

УДК [808.2+802.0]-801

**ЧЕЛОВЕК ГОСТЕПРИИМНЫЙ:
ЦЕННОСТИ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ
(на материале русских и татарских паремий)**

Л.К. Байрамова, Р.Д. Юнусова

Аннотация

В данной статье рассматриваются русские и татарские паремии, выступающие главным образом моделями ценности гостеприимства. Анализируются источники метафор гостеприимства, концептуальные признаки гостеприимного человека, нравственные детерминанты русской и татарской культуры, их этнокультурная специфика и др.

Феномен гостеприимства вербализуется в различных культурных контекстах и ситуациях – философско-мировоззренческих, социально-институциональных, культурно-нормативных, что позволяет говорить о «человеке гостеприимном» как концепте с определенной ценностной направленностью. Обычай принимать гостей, отношение к ним, поведение гостя и другие стороны этого ритуала отражены в языке.

В словарной дефиниции слова *гостеприимство* представлена прототипическая ситуация гостеприимства, характеризуемая двумя признаками – радушием и умением угостить посетителей: «гостеприимство – радушие, любезность в приеме гостей» [1: 3, с. 334]. В словаре В. Даля толкование слова определяет две возможные модели ситуации гостеприимства: «радушие в приеме и угощении посетителей; безвозмездный прием и угощение странников, или странноприимство» [2: 1, с. 278]. Соответственно гостеприимный человек – «любящий принимать гостей, радушный, приветливый» [2: 1, с. 278]. Употребление слова *радушино* как синонима слову *гостеприимно* указывает на то, что в дефиниции слова *гостеприимство* семантическим центром является радушие, которое, будучи предикатом эмоционального состояния, выражает синкретичную положительную оценку хозяина, демонстрирующего душевную готовность служить другим и делать добро, и его гостя, которому рады. Но в памятниках средневековой культуры представление о гостеприимстве еще не ассоциируется с радушием: «...более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым» (Поучение Владимира Мономаха). В более поздних текстах гостеприимство воспринимается не только как некоторая совокупность действий (что должно делать), но эти действия характеризуются и с точки зрения эмоциональной составляющей (как делать): «Если случится приветить приез-

жих людей, торговых ли, или иноземцев, иных гостей, званных ли, Богом ли данных: богатых или бедных, священников или монахов, – то хозяину и хозяйке следует быть приветливыми и должную честь воздавать по чину и по достоинству каждого человека. *С любовью и благодарностью, ласковым словом каждого из них почитать, со всяким поговорить и добрым словом приветить* (выделено нами. – Р.Ю., Л.Б.), дать есть и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а иным и послать чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать» (Домострой). Человек гостеприимный умеет проявить сердечность, приветливость, дружелюбие и любезность, то есть обладает свойством, которое определяется как радушие – «усердие, доброхотство, душевная готовность служить другим, делать добро и услуживать» [2: 3, с. 8]. Согласно исследованиям Н.В. Уфимцевой, главным качеством русского человека является доброта и ее проявление по отношению к другим – доброжелательность, радушие, душевность [3, с. 162]; все эти качества отражаются в ситуации гостеприимства и в пословицах русского языка получают одобрительную оценку.

В татарском языке в дефиниции слова *кунакчыллык* («кунакчыл булу; килгән кунакны ачык йөз белән каршылау») (приветливый прием гостей) [4, б. 295]) оценочный компонент выражен прилагательным *ачык* (приветливый), которое обозначает проявление дружелюбия к любому лицу вне зависимости от отношения к нему. Соответственно *кунакчыл кеше* – это 1) «килгән кунакны якшы каршылаучан, кунакны хөрмәт итә торган» (оказывающий хороший прием, уважение гостю); 2) «килгән кешеләргә карата ачык мөгәмәләле» (радушный к приходящим людям) [4, б. 295]; таким образом в определении дано три признака гостеприимного человека: хорошо встречающий (*якшы каршылаучан*), умеющий оказать уважение (*хөрмәт итә торган*), радужный (*ачык мөгәмәләле*).

Словарные дефиниции позволяют выделить типичные качества гостеприимного человека: радушие и хлебосольство (в русском языке), искренность и уважение (в татарском языке).

Класс ситуаций, с которыми соотносится гостеприимство, – это взаимоотношения с Другим, причем центром события гостеприимства является человек гостеприимный. Интерпретация гостеприимства как ценности характерна для тех культурно-исторических периодов, когда альтруизм является социально желательным, адаптивным поведением в ситуации обращения X к Y. С этой точки зрения гостеприимный человек наделен способностью действовать во благо другого, что противоположно эгоистическому стереотипу.

Понятие «личностная черта» в когнитивной психологии определяется как «субъективная категориальная единица опыта, обобщающая для субъекта признаки определенного класса ситуаций и предписаний по поведению в этих ситуациях» [5, с. 118–119]. Описание гостеприимства как личностной черты предполагает выделение класса ситуаций, в которых проявляется данное качество человека. В русских и татарских пословицах представлены три группы ситуаций гостеприимства: обрядово-ритуальные, званые праздники и прием незваных и/или случайных людей (посетителей).

Обрядово-ритуальные празднества подчиняются строгому сценарию. Родильные, свадебные и другие празднества в русских и татарских обрядах име-

ют сходные черты: приглашение, прием, обмен приветствиями и пожеланиями благополучия, угощение и другие действия участников обряда, регламентированные традицией. Гостеприимный хозяин тщательно выполняет все предписания этикета. Обряд является архаической формой закона, который закрепляется в акционарном коде культуры, во фразеологических единицах языка сохраняются в основном этикетные формулы (приветствия, пожелания, ответные благодарности). Например, согласие на свадьбу выражалось фразой: *хлеб-соль берем, а вас пировать зовем*; приглашение к столу: *садитесь за скатерти бражные, за напитки пьяные*; потчевание: *кушайте, гости, не стыдитесь, рушайте гуся, не студите*. В татарских обрядовых праздниках традиция топить баню является одним из важных элементов свадебного и родильного обряда, праздника *жџиен* (джиен), потому *кунакның хөрмәте – мунча* (баня – честь для гостя). С точки зрения обряда человек гостеприимный – это хороший хозяин, способный приумножать благополучие дома, а ситуация приема гостей, по Е.Е. Левкиевской, является способом пополнения хозяином своей продуцирующей силы, которая распространяется и на все хозяйство в целом [6].

В паремиях ситуация гостеприимства, связанная со зваными праздниками, отражает обобщенный опыт повседневности. Представления о гостеприимстве в русских и татарских паремиях не только фиксируют определенную культурную роль знаний, но и выполняют коммуникативную функцию, выражая принятый данной общностью, этносом взгляд на жизнь и сохраняя одобряемые модели поведения. Но атмосфера гостеприимства, которая в структуре лексического значения слова *гостеприимный* не фиксируется, так как категория мироощущения остается вне рамок лингвистического описания, воссоздается в художественной литературе: «В кабинете дядюшка попросил гостей сесть и *расположиться как дома* <...> На подносе были травник, наливки, грибки, лепешечки... сотовый мед, мед вареный и шипучий, яблоки, орехи сырые и каленые и варенье на меду и на сахаре, и ветчина, и курица, только что зажаренная... Все отзывалось сочностью, чистотой, белизной и *приятною улыбкой* (выделено нами. – Р.Ю., Л.Б.)... Несколько раз балалайку настраивали, и опять дребезжали те же звуки, и слушателям не наскучивало, а только хотелось еще и еще слышать эту игру...» (Л.Н. Толстой «Война и мир»). В данном эпизоде представлена «русскость» атмосферы, в которой находится гость, это подчеркивает Л.Н. Толстой, когда пишет о «русском воздухе», «русском духе»: «Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, не изучаемые, русские...». В феномене «русскости» как лингвокультурологической уникалии, которая «обладает параметрами исключительности и специфичности» [7, с. 71], закреплены нравственные ценности и качества русского народа: душевность, естественность, «степенная веселость».

В паремиях как знаках типовых ситуаций дано наивное обыденное описание человека гостеприимного, так как паремии соотносятся со стереотипными представлениями, которыми определяется бытовое поведение человека, посредством которых осуществляется процесс категоризации мира и в основе которых лежит переживание определенных ценностей. Ценность – результат интерпретации, позволяющей различать исторические пласты в слове, которые в процессе интерпретации разворачиваются в события и сюжеты.

В пословицах русского языка человек гостеприимный умеет пригласить, принять, угостить, развлечь, проводить гостя и проявляет такие качества, как вежливость (*умел зазвать, умеи и встречать; рад, не рад, а говори: милости просим*), щедрость (*наперед накорми, а потом расспроси; ешьте, пейте, хозяйского хлеба не жалейте*), уважение и внимание ко всем гостям (*всем подноси, никого не обноси*). Осуждается хозяин скрытный и угрюмый (*зовут Фомою, живет собою*), жадный (*зазвал гостей глодать костей*), невежливый (*худ Матвей, не умеет потчевать гостей*). В пословицах представлены модели поведения, в которых хозяин может прогнать гостя (*кто ходит не зван, редко уходит не гнан; званный гость, а незванный пес*), пренебрегать желаниями гостя (*у себя как хочешь, а в гостях как велят; в гостях воля хозяйская*). Такое поведение не осуждается, так как хозяин обеспечивает порядок в доме, поэтому он решает, кого принять как гостя. Такое расширение функций гостеприимного хозяина обоснованно, потому что *гость гостю рознь, и иногo хоть брось; каковы гости, таков и пир*, а гости могут вести себя агрессивно (*за содомом гостей не достанется поглотать и костей; горевал, что жидко сливал, а как выпили – и хозяина выбили*), назойливо (*его помяни только, а он тут; в гости едет, а из гостей ни со двора*). В условиях высокой неопределенности поведения гостя действия хозяина организуются принципом обеспечения безопасности дома и домочадцев. Безусловно, что идея долга гостеприимства чужда логике поведения человека гостеприимного, скорее наоборот: хозяин ничего никому не должен, а прием и угощение гостей – это проявление его доброй воли и таких личных качеств, как щедрость, коммуникабельность и дружелюбие. Поэтому синонимом гостеприимного человека является слово *хлебосольный*. Хлебосольство – качество характера, заключающееся в готовности и умении хорошо, щедро, обильно угостить, приготовить вкусное и разнообразное угощение. Хлебосольство на Руси почиталось как высокая добродетель, нравственный императив, ставший важной составной частью этики русского народа. В русском гостевом этикете *хлеба есть* означало «обедать, кушать». Хлеб символизирует основу жизни, а соль воспринимается народным сознанием как некая доминанта человеческого бытия, поэтому лингвокультурема *хлеб-соль* для русского национального сознания имеет особое значение: она выражает гостеприимство русского народа [8]. Символ *хлеб-соль* в поговорках многозначен: *без соли, без хлеба худая беседа; хлеб-соль в воротах, так не своротишь; хлеб-соль и разбойника смиряет*. По сравнению с поговорками татарского языка в русских пословицах шире представлены пиршественные образы: вино, пироги, бражка, – передающие состояние вольности (*гуляй, душа, нараспашку*) и безграничного праздника (*пир на весь мир*).

В пословицах татарского языка гостеприимный человек характеризуется как приветливый, любезный, сдержанный и заботливый: *ипи-тоз, якты йөз* (хлеб-соль, приветливое лицо), *кунак ялгыз ашамас* (гость не ест в одиночестве), *кунакның аты да кунак* (конь гостя тоже гость), *килгәнне өенә керт, алдына тоз-икмәк куй* (приходящего пригласи в дом и накорми). С точки зрения бинарной логики возможны модели поведения, в которых хозяин повел бы себя лицемерно и вероломно, проявил бы заносчивость и гордость, но в пословицах татарского языка моделей поведения, противоположных гостеприимству (*ку-*

накчыллык), нет. Это соотносится с мусульманской этикой, включающей пять оценочных категорий: обязательное (ваджиб, фард), рекомендуемое (мандуб, сунна), безразличное (мубах), nereкомендуемое (макрух) и непозволительное (харам, махзур) [9]. Поэтому следует согласиться с мнением А.А. Смирнова, который утверждает, что «дихотомия блага и зла и пятеричная система оценок не противостоят друг другу как несовместимые принципы. А получают разрешение в умении выбрать между хорошим (поведение согласно правовым нормам) и лучшим (следование этическим побуждениям). Такой выбор в любом случае имеет положительный эффект, так как достижение согласия, с этой точки зрения, всегда предпочтительнее, даже если оно обосновано не вполне последовательно» [9, с. 234]. Возможно, что стремление к согласию определяет гостеприимство татар, которое очень выразительно раскрыто, например, автором книги «Казанские татары» (1844 г.) Карлом Фуксом: «Самая лучшая черта есть гостеприимство; ежели позовет знакомый татарин в деревню к себе в гости, то можно знать наперед, что сделаешься на другой день болен. Главное угощение татар – чай, которого надобно выпить не менее четырех чашей (у небогатых татар с медом). Потом ставят на стол каймак (самые густые, вареные сливки), малиновую пастилу и жареные тоненькие лепешки. От всего этого надобно непременно отведать. Но этим дело не кончится. Два или три татарина, вам даже незнакомые, дожидаются, чтобы позвать вас к себе. Отговориться невозможно – отказом чрезвычайно обидишь; равным образом, ежели в гостях не выпьешь три чашки чаю и не поешь их десерта...

Я также несколько раз был в гостях с моим семейством у татар, наших деревенских соседей. Тогда их гостеприимство показывается во всем блеске; ожидая нас, все в деревне наряжаются в праздничные платья: женщины, покрытые большими платками, дожидаются толпою у полевых ворот; мужчины, которые намерены звать к себе в гости, встречают за четверть версты от деревни, и вот тут начинается чайная попойка. Надобно непременно побывать в пятнадцати домах... Гостеприимство у татар очень замечательно...». Гостеприимный человек воспринимает приход гостя как праздник: *кунак килсә – йортта ямь* (когда приходит гость, и в доме приятнее), *кунак йөзе күрмәгән, шатлык йөзе күрмәс* (негостеприимный человек не узнает, что такое радость). Эта группа паремий отражает уникальные представления о гостеприимном человеке в татарском языковом сознании.

Третья группа ситуаций гостеприимства связана с приемом странников, случайных посетителей. Народное представление, что нищий – посланник Божий, нашло отражение в русских и татарских паремиях. В большинстве случаев нищий был незванный гость: божий человек – *Алла кунагы*, но всегда ожидаемый (подсознательно) и не требующий специального приглашения. Отношение к незванным гостям отражено в пословицах: *гость – человек Божий; гость в доме – Бог в доме*. Но в русских пословицах встречается отрицательная оценка незванных гостей: *званный гость, а незванный пес; незванные гости гложут кости; незванный гость – хуже татарина*. Поэтому одна из задач хозяина – распознать в пришедшем гостя: *послал Бог гостя, дал хозяину пир* или же *гостя черт принесет, последнее унесет*. Ср. татарское выражение *чакырылмаган кунак чакырылганнан олырак* (незванный гость более почетен, чем

званный) и др. С представлением о незваном госте связаны и другие татарские фразеологизмы: *мактап йөрисең икән* (букв. «оказывается, ты нас хвалишь») – говорится при случае, если человек приходит к кому-нибудь и застаёт домохозяев за едой, вслед за этим выражением, произнесенным хозяином, следует приглашение к столу; *бәйрәм ашы кара каршы* (об ответном приглашении в гости; в более широком смысле: долг платежом красен).

Качество гостеприимства связано в этой группе ситуаций с религиозностью хозяина, поведение которого регулируют императивы: «страннолюбия не забывайте» (Библия), «...пусть тот, кто верует в Аллаха и в Последний день, оказывает уважение своему гостю» (Коран). Знание должного в сознании человека может быть задано не только религиозными заповедями. В пословицах татарского языка, в обряде гостевания отражены следующие ценности.

1. Ценность беседы, слова: *ашын тәме тоз белән, мәҗлес яме сүз белән* (если нечем угостить – ласковое слово молви). Слово не только украшение пира, оно объединяет людей.

2. Ценность доверия и искренности выражена в символе *ачык ишек* «открытая дверь» и *ачык йөз* (открытое лицо).

3. Забота – проявление такой общечеловеческой ценности, как любовь: *кунак ялгыз ашамас* (гость не ест в одиночестве), *кунакчыл кешенең табыны буш булмас* (у гостеприимного хозяина есть чем потчевать гостя).

4. В пословицах татарского языка утверждается ценность Другого: *килгән кошка куак бар, кунакчыл йортта кунак бар* (прилетевшей птице есть ветка, а в гостеприимном доме есть гость). Образ прилетевшей птицы в первой части пословицы соотносится с образом гостя, который может рассчитывать на уют: *килгәнне өенә керт, алдына тоз-икмәк куй* (пришедшего в дом впусти, накорми).

Именно эти ценности питают практику гостеприимства, и человек гостеприимный в языковом сознании татар проявляет доблесть, так как не внутренние качества и состояния определяют его поведение, а стойкость как способность следовать должному: делай, что должно, а остальное будь как будет. Отсутствие концепта идеального компенсируется принципами, которыми следует руководствоваться в повседневной жизни и в ситуации гостеприимства: принцип перевешивающего баланса (дать другому больше, чем себе) и принцип преобладания добрых дел над злыми [9, с. 273].

Гостеприимный хозяин в сознании русского человека, оказывая гостеприимство, проявляет свои внутренние качества, побуждающие делать добро. Хотя еще в словаре В. Даля добродетель и доблесть даются как синонимы: «Добродетель, доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избеганию зла» [2: 1, с. 444].

Признаки, выделяющие ситуацию гостеприимства из тематической группы «взаимоотношения людей», следующие: 1) асимметрия положения хозяина и гостя, 2) гость символизирует определенность/неопределенность, перед лицом которой человек гостеприимный проявляет уважение к традиции, преданность Богу и альтуризм.

Проведенный анализ концепта «человек гостеприимный» показал, что ситуация гостеприимства получает в языке избыточное кодирование за счет мно-

гочисленных синонимов, которые фиксируют некоторое множество образов ситуации, обеспечивающих вариативность стратегий поведения. Ценность гостеприимства как частного случая взаимодействия людей отражается в паремиях, культурных символах и дискурсивных практиках, тем самым сохраняются представления о гостеприимстве в культуре как эталоне межличностных отношений. Альтруистическая модель поведения, социально желательная и адаптивная, отражает представление этносов о том, что способность человека действовать во благо другого является ценностью.

Summary

L.K. Bayramova, R.D. Yunusova. A Man Hospitable: Values and Models of Behavior (Based on the Examples of Russian and Tatar Proverbs).

The article deals with Russian and Tatar proverbs acting mainly as models of hospitality values. Sphere-sources of hospitality metaphors, their ethnocultural specifics, conceptual characteristics of a hospitable man, and moral and ethical determinants of Russian and Tatar cultures are discussed in the article.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина. – М.-Л.: Наука, 1948–1965.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
3. *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 135–170.
4. Татар теленен аңлатмалы сүзлеге / Баш. ред. проф. Ф.Э. Ганиев. – Казан: Матбугат йорты нәшр., 2005. – 848 б.
5. *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
6. *Левкиевская Е.Е.* Ритуально-магические функции хозяина в восточнославянской традиции // Мужской сб. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. – М., 2001. – С. 106–114.
7. *Байрамова Л.К.* Введение в контрастивную лингвистику. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 116 с.
8. *Синячкин В.П.* Концепт «Хлеб» в русском языке. Лингвокультурологические аспекты описания: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 193 с.
9. *Смирнов А.А.* Классическая арабо-мусульманская мысль // История этических учений / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2003. – С. 204–308.

Поступила в редакцию
31.10.07

Байрамова Луиза Каримовна – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.

Юнусова Резеда Джаудатовна – аспирант кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.